

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

(по материалам Восточно-Сибирского региона)

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Христюк Анны Александровны, представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Актуальность избранной А.А. Христюк для исследования темы¹ определяется, прежде всего, объективными криминальными реалиями современного развития России, в которой, по вполне обоснованному утверждению самого автора, организованная преступность «...проникла во все сферы жизнедеятельности страны, охватила целые отрасли и регионы, нанося колоссальный экономический вред, подрывая устои государства, общественной морали и нравственности» (с. 3). Активно развивающиеся в нашем отечестве на протяжении последних тридцати лет различные формы организованной преступной деятельности объективно становятся предметом многих социально-правовых исследований и, главным образом, наук криминального цикла: криминологии, уголовного права, криминалистики и др.

Оценивая современную область криминологического знания об организованной преступности, нельзя не отметить, что она отличается довольно большим количеством исследовательских данных об этом криминальном явлении, что должно создавать хорошую научную основу для организации необходимого и целенаправленного правоохранительного контроля. Между тем наличие в криминологической науке и соответствующей ей антикриминогенной практике достижений, направленных на предупреждение организованной преступности, оставляет, как принято говорить, желать лучшего. Такое противоречие объяснимо, прежде всего, интенсивной динамичностью самой преступности, и в особенности ее организованных проявлений, умело адаптирующихся к изменяющимся социальным и правовым условиям. Более того, декларируемые в рос-

сийском обществе социально-экономические реформы нередко тормозятся именно существующим и активно развивающимся криминальным потенциалом, сплочение которого перед надвигающимся антикриминогенным натиском также вполне понятно.

Это уже давно ставшее обычным для российской правоохранительной системы организованное преступное противостояние, безусловно, имеет свои региональные особенности. Собственно, именно в региональных социально-политических и экономических нюансах, порой, и содержится главный источник криминальных трансформаций, которые, по сравнению с изученными общими особенностями организованной преступности в России, исследованы явно недостаточно. Поэтому отсутствие (равно, как и слабое присутствие) необходимого знания о региональной специфике организованной преступности, тем более в регионах, традиционно отличающихся из года в год повторяющимися тревожными показателями общей совокупности совершаемых в них преступлений, требует активизации исследовательских усилий, направленных на минимизацию существующих криминологических пробелов.

Все это, безусловно, имеет прямое отношение к Восточно-Сибирскому региону России и, конечно же, к рецензируемой диссертации, подготовленной А.А. Христюк. Главное, что положительно отличает эту работу от многих предшествующих диссертаций, посвященных исследованию организованной преступности, – достаточно глубокий «географический» срез проблемы, насыщенность диссертации поистине огромным фактическим материалом, свидетельствующим о разносторонних криминальных взаимодействиях и взаимосвязях региональной «восточносибирской» организованной преступности, негативно отражающихся как на развитии самого региона, так и на россий-

¹ Христюк А.А. Организованная преступность: современные тенденции и региональные особенности (по материалам Восточно-Сибирского региона): дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 219 с.

ской политике и экономике в целом, а вместе с этим, благодаря своей, в ряде случаев транснациональной, специфике, – на некоторых международных социально-экономических процессах. Следует, безусловно, согласиться с соискателем в оценке того, что «...проблема организованной преступности как социального явления имеет специфические региональные характеристики, определяемые особенностями территории, которые имеют место в социально-экономическом развитии, демографическом положении, национальном менталитете, культурных, исторических традициях. В этой связи первостепенное значение для теории и практики приобретают углубленный всесторонний анализ и точная оценка состояния организованной преступности в отдельном регионе» (с. 37).

Содержащийся в диссертации исследовательский материал характеризует ее автора как вдумчивого и пытливого научного работника, стремящегося дойти до истинной сути всесторонне изучаемого им сложного социально-правового явления, каковым выступает региональная организованная преступность. При этом важно отметить и несомненное мужество диссертанта, проявленное в познании многих личностных аспектов проблемы, связанных с сопутствующими ему рисками и угрозами, тем не менее, не остановившими его в стремлении познать эти тонкости и донести их до общественного мнения. Такие мысли возникают, прежде всего, при ознакомлении с подробно описанными автором криминальными карьерами лидеров преступного мира Восточно-Сибирского региона, с демонстрируемой осведомленностью об их влиянии в криминальной среде и в официальных государственных сферах жизнедеятельности региона, с изложенной в диссертации информацией о коррупционных связях представителей органов государственной власти и региональных преступных сообществ и др.

Представляется весьма показательным и продуктивным содержащийся в диссертации материал о превентивном антикриминогенном потенциале Восточно-Сибирского региона. Смелые авторские суждения об использовании этого потенциала в предупреждении организованной преступности, положенные А.А. Христюк в разработку своей, достаточно интересной с точки зрения криминологической науки и правоохранительной практики,

действительно научно обоснованной концепции одноименной региональной программы, несомненно, должны получить свое практическое воплощение и достичь требуемого антикриминогенного эффекта.

Можно с уверенностью сказать, что исследованные диссертантом проблемные вопросы криминологической характеристики и предупреждения региональной организованной преступности дополняют новой научной информацией существующий в криминологии научный материал, посвященный этой серьезной проблеме.

Это подтверждается изученными автором и представленными в диссертации:

- определением понятия и признаков организованной преступности, криминологической оценкой различных форм и видов организованной преступной деятельности (с. 11–26);

- социально-экономической характеристикой Восточно-Сибирского региона, демонстрацией ее взаимосвязи с зарождением и развитием региональной организованной преступности (с. 27–36);

- криминологической характеристикой состояния, структуры, динамики и тенденции региональной организованной преступности (с. 37–73);

- характеристикой региональных особенностей функционирования организованных преступных формирований (с. 74–101);

- личностными характеристиками участников организованных преступных групп и сообществ (с. 101–117);

- криминологической оценкой факторов, детерминирующих региональную организованную преступность (с. 118–146);

- характеристикой мер противодействия организованной преступности на региональном уровне (с. 146–176);

- разработкой предложений, направленных на предупреждение организованной преступности на региональном уровне (с. 177–182).

В целом исследовательский материал А.А. Христюк позволяет судить о нем как о научной работе, посвященной актуальной теоретической и практической проблеме. Вместе с тем, диссертация не лишена отдельных недостатков, спорных положений, некоторых неточностей, которые не влияют на общую положительную ее оценку, однако

требуют дополнительных авторских пояснений. В качестве замечаний позволю себе обратить внимание соискателя на следующие моменты.

1. Положительно оценивая важность исследованной А.А. Христюк проблемы и хороший, прежде всего, теоретический уровень ее анализа в рамках кандидатской диссертации, не могу не высказать замечания по поводу кажущегося мне несколько расширительным толкования термина «организованная преступность», анализируемом в диссертации и представленном в первом положении, вынесенным автором на защиту. Профессиональные убеждения юриста не позволяют мне согласиться с тем, что под организованной преступностью следует понимать негативное социальное явление, представляющее собой «...преступную **(а в некоторых случаях и непроступную)**» (выделено мною. – С. Л.) деятельность». Понимая смысл криминологического, а не формального уголовно-правового содержания понятия организованной преступности, на чем акцентирует свое внимание А.А. Христюк, все же позволю напомнить автору, что выработанное криминологией классическое определение преступности основано на включении в него совокупности содержащихся в Уголовном кодексе Российской Федерации преступлений. Все, что не преступно, может выступать в качестве сопутствующих преступности явлений и факторов и, следовательно, находится за рамками понятия «преступность». Аналогично обстоит дело и с понятием организованной преступности. В противном случае мы неизбежно будем инициировать неправовой «беспредел». Поэтому, критикуя некоторых авторов в неоправданно расширительной трактовке термина «организованная преступность» (с. 21–22), самому диссертанту следовало в этом вопросе также соблюдать правовую меру.

2. Подчеркивая достоверность полученных автором результатов исследования, ни в коей мере не подвергая сомнению его репрезентативность, не могу в то же время не высказать возражения по поводу демонстрируемого соискателем довольно твердого убеждения в отношении показателя латентности организованной преступности. Так, на с. 43 диссертации приводятся данные опроса экспертов, на основе мнения 63 % которых

делается вывод о 80-процентном показателе латентности изучаемого феномена. Во-первых, не ясно, кого диссертант выбрал в качестве экспертов, ведь во введении об этой группе респондентов и об используемом автором методе экспертных оценок ничего не сказано. Во-вторых, мнение 63 % даже самых профессиональных экспертов – это далеко не 100 %. А что думают об этом остальные 37 % опрошенных? Наконец, в-третьих, для обоснованного вывода о показателе латентности преступности, в том числе организованной, необходимы более глубокие исследования. Отсюда и общий авторский вывод о «наивысшей степени латентности организованной преступности» требует гораздо более емких и убедительных научных аргументов. Поэтому, если основываться на авторском утверждении, что «...к оценке статистики организованной преступности следует подходить с большой осторожностью» (с. 138), то и самому автору подобная осторожность в оценке латентной преступности явно не помешает.

3. Подтверждая высокий криминологический и уголовно-правовой профессионализм автора в исследовании такой серьезной научной и практической проблемы, не могу не высказать одновременно в ее адрес упрека в некоторой, на мой взгляд, некорректности употребления для оценки масштабов организованной преступности неправового понятия организованного преступного формирования (ОПФ).

Известно, что именно этот термин зачастую используется на практике, в том числе находит отражение в информационно-аналитических материалах, посвященных состоянию организованной преступности. Такая терминология не может не вызывать у юриста, как мне представляется, вполне обоснованных вопросов. Для чего изобретен этот произвольный термин, если в уголовном законе содержатся исчерпывающие правовые понятия, характеризующие совокупность преступлений, способных образовывать организованную преступность: преступное сообщество, преступная организация, банда, наконец, преступная группа? Более того, признаки уголовно-правового института соучастия также способны гораздо точнее передать в своей совокупности зарегистрированные характеристики организованной преступности. Что тогда есть организованное пре-

ступное формирование? Как вообще можно зафиксировать этот искусственно придуманный феномен, если ни в одном нормативном правовом акте ни о нем самом, ни о его признаках не говорится ни слова? Думается, в данном случае мы сталкиваемся с неким профессиональным лукавством, кстати, весьма характерным для существующей правоохранительной практики: доказать правовые признаки организованной преступности трудно, порой, невозможно, а не показать своей осведомленности о существовании организованной преступности – значит «расписаться» в некомпетентности и даже непрофессионализме. Вот и придумывается новый терминологический «уродец», с помощью которого объясняется существование организованной преступности. Только может ли юриста удовлетворить такое объяснение? И ссылки на то, что криминологические понятия по своему содержанию гораздо более широки, нежели уголовно-правовые, в случае с объяснением существования какого-либо определенного числа представляющихся «призрачными»

организованных преступных формирований не убеждают.

Высказанные замечания не снижают высокой оценки диссертации, тем более, что их дискуссионность, по мнению оппонента, очевидна. Диссертация представляет собой самостоятельную, творческую научную работу, отличающуюся актуальностью исследуемой проблемы, новизной, имеющую теоретическое и практическое значение, вносящую определенный вклад в развитие науки криминологии и соответствующей правоохранительной практики, отвечающую требованиям ВАК России. Содержание автореферата, так же как и опубликованные соискателем научные статьи, отражают основные положения диссертации. Христюк Анна Александровна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук.

Официальный оппонент – С.Я. Лебедев, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор